

МНОГОЕ
НАВСЕГДА

МИХАИЛ
ФОРР

СЕРИЯ АнтиХаос

16+

Михаил Форр
Многое навсегда

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Михаил Форр

Многое навсегда / Михаил Форр — «ЛитРес: Самиздат», 2017

ISBN 978-5-532-98648-0

Книга повествует о жизни нашей современницы - внезапно овдовевшей Карины и монаха Дадания, жившего на рубеже XVIII-XIX веков. Тот находится в тюрьме для государственных преступников за его очень необычные способности. Инок видит будущее, которое не совпадает с планами великих российских государей. Все самые важные видения грядущего Даданий записал в «зело страшных книгах», которые спрятал в тайном месте. Возможно, что именно Карине и предстоит раскрыть не только главный секрет монаха, но и всей своей жизни.

ISBN 978-5-532-98648-0

© Михаил Форр, 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Спасение... Вместо пролога	5
Часть I. "Вся твоя"	6
Глава 1. Хитрый взгляд	6
Глава 2. Консенсус	8
Глава 3. Воля и неволя	10
Глава 4. Перед Большой грядой	13
Глава 5. Немаленькие трагедии	16
Глава 6. Жизнь предстоящая	19
Глава 7. На встречных направлениях	22
Глава 8. "Боящийся несовершенен..."	25
Глава 9. "Вся твоя"	28
Часть II. Шаг вперед	32
Глава 1. Между долгом и подолом	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Михаил Форр

Многое навсегда

Спасение... Вместо пролога

Всем, с кем мне хорошо. Было и будет.

Трем самым близким мне людям посвящается.

И кальвадосу.

«Какою мерою мерите, такою и вам будут мерить».

Евангелие от Матфея, глава 7.

«Жизнь – это череда совпадений. А может и нет».

Жан-Жак Руссо. А может и нет.

Препятствий в мире нет:

возьми свою любовь!

Но помни: без нее

полюбишь ты,

что взял...

Мы все совершенны, чтобы давать советы. На словах мы, ведомые нашим личным опытом, постоянно готовы действовать. Но, скорее, это лишь бравада для друзей и близких. Настоящий разрыв шаблона наступает внезапно и именно в тот момент, когда порой мы только приближаемся к пику, самой-самой вершине нашего иллюзорного счастья и благоденствия.

Эта книга тем, кто не сложил рук перед внезапными бедами, посвящается. Для умиротворенных жизнью в лодке, плывущей по течению в сторону смертоносного водопада, уготована. Для тех, кто верит в большую любовь, если она есть, предназначена. И как подсказывают мне психологи: для тех, кто остались друзьями лишь потому, что все еще любят, а не из-за того, что и не любили друг друга никогда. А третьего не дано. Будьте счастливы в силе своей...

Ну что же. Пора все-таки предоставить слово главным героям. Но момент, когда они только начинают свой рассказ, слишком трагичен, чтобы прямо с него открыть новую страницу.

«А как же быть?» – с трудом понимая реальность, спрашивают они меня.

«Расскажите, что было чуть раньше, помните?» – понимая, насколько каждому нужны сейчас позитивные воспоминания, отвечаю им я.

«Конечно! Господи, а как же все хорошо начиналось! Вот как-то так...»

Часть I. "Вся твоя"

Глава 1. Хитрый взгляд

У самого входа они совсем незначимо, несущественно и вроде как между прочим поцеловались. Наверное, скорее даже чмокнули друг друга, стараясь не выдать взаимное волнение.

– Лишь бы у Муси все получилось, – внезапно произнесла Карина.

– Конечно, только о ней и мысли. Я обязательно прослежу, – Алексей, стараясь подыграть настроению жены, интонационно продублировал ее фразу.

Кошка Муся, их общая пушистая любимица, нагулявшая к сроку огромный живот, собралась наконец рожать. Впрочем, ради того же привез в роддом свою Карину и Алексей. И одновременность происходящего не могла не стать в их семье предметом довольно целомудренных шуток на тему «кто виноват в обоих случаях». Относящихся одинаково, как к Алексею с соседским монастырским котом Евстафием, так и к Мусе с Кариной.

«Ну вы, девушки, и даете», – Леша произносил это с явной и непредумышленной гордостью будущего главы огромной семьи. Говорил, нежно прижимая одновременно и одну, и вторую. Муся и Карина только ласково моргали и смотрели в этот момент на него особенно преданно и снисходительно.

Девятимесячный срок подходил к завершению. Мальчуган ожидался здоровеньким во всех смыслах и размерах. В связи с этим роды предполагались сложными, и Карина впервые в жизни испытывала необъяснимый психологический вакуум. Спроси ее, и она никак не могла бы описать происходящее с нею. Ну как сказать... Карина не боялась, но неизвестность старательно изводила ее до самого доньшка.

Впрочем, все это оказалось ненадолго. Ребенок внезапно проявил свой торопливый характер, и воды отошли прямо во время первого осмотра. Как раз через полчаса после того, как она настояла: «Леша, поезжай скорее на свою работу, все планово, и еще не скоро».

Как же она жалела позже, что категорически не хотела присутствия мужа в родовой палате. «Я буду чувствовать себя как-то не так». Вот ведь «консерваторша». Уже было поздно что-то менять, но она даже ненароком позвала его пару или тройку раз вслух. Сколько точно – не считала, а совсем скоро у нее не осталось времени, чтобы отвлекаться на всякую ерунду.

Когда врач и акушерка познакомили ее с только что рожденным сыном, положив на горячую мамину грудь, Карина ощущала себя какой-то единой вселенной по производству счастья. И в этот момент замерла от удивления: ее Сын был настолько прекрасен, что не было слов. Или показалось?

Ну как, вообще, в принципе, может быть так красив человек? Или какой-то маленький гномик? Эти чудесные руки и ноги, эти изящные пальчики и самые умные в мире глаза. Вот только как раз глаза никак не хотели открываться пошире. Какой у них цвет? Вроде бы карие, как у мужа. В родовой палате висел странный сумрак или тень падала неудачно.

Неимоверный прилив сил быстро сменила какая-то усталая желеобразность. Болели даже ладони – казалось, еще чуть-чуть и сломала бы ручки на кресле. Господи, как же кружится голова... Но все равно, как легко и хорошо.

В какой-то момент Карина почувствовала себя в карете. Вместе сыном их везли в палату. Она не могла и не хотела больше заниматься самодиагностикой, после чего одновременно моргнула и моментально заснула с ясным и в целом справедливым ощущением, что именно сегодня тот последний день, когда ей придется спать в принципе.

Всего через полчаса она проснулась также быстро. Малышок, стараясь выдавить хоть каплю, присосался к груди чуть сильнее, и на мгновение стало невыносимо больно. Как будто

кормишь плоскогубцы. Но чувство абсолютного блаженства перебивало все страдания. Уже можно было перевести дух и набрать телефон мужа.

И все-таки сейчас ребенок действительно казался ей почти «китайцем». Нет, правда, теперь она разглядела своего Сережика или Ежика – так Карина его тайно называла весь последний, предродовой месяц.

Перед ней был совершенно азиатского вида мальчуган. Успели подменить? Карина даже закричала, точнее заверещала. Бог его знает, как охарактеризовать этот странный, но пронзительный звук. На шум прибежала дежурная медсестра.

Внутренне молодая мама уже корила себя за этот эмоциональный всплеск. «Вот, дура, и ребенка напугала. А чей он по-твоему, если не твой?» – внутренне заворчала она на себя, но акушерка, видимо, поняла это без слов. «Что ты кричишь, приснилось что-то?» – тихо-тихо произнесла медсестра: «Смотри, как на тебя похож». Карина внезапно улыбнулась. Что-то, а это абсолютно точно. Малыш был ее копией: две руки, две ноги, одна голова. Так она иронизировала, но понимала, что Ежик, конечно, их и ничей более. И шевелюрой он был такой же немного вьющийся, а оттенок волос совсем как у нее в детстве...

Пора было звонить мужу, но она никак не решалась. Ступор. Карина, верная жена и мать мужниного ребенка, не могла никак сообщить, что ребенок родился и на него, Алексея, совсем не похож. Кардинально. И пальцы сами набрали маму:

– Мамочка, все нормально, сынуля, три девятьсот. У меня тоже все хорошо. Отдыхаю. Сплю. Леше еще не звонила, – и внезапно для себя Карина рассказала про случившееся с внешним видом Сережи. Милая мамочка сразу все поняла:

– Глупости. Не волнуйся, солнышко, я скажу ему, что ты отдыхаешь, и подготовлю. Все разъяснится. Спи, Родныш...

Сон не приходил, но усталость потихоньку сказывалась. Маленький спал на боку, направив свой прищурившийся взгляд в сторону мамы.

Впрочем, глаза его были закрыты. Как положили, так и лежал. Но из-за особенностей разреза век, мордашка ребенка казалась не только уморительной, но и такой уж совсем-совсем хитрой. Как будто этот малыш все знал наперед про маму-папу и окружающий его большой мир.

Карина и спала, и нет. Периодически приподнималась и слушала дыхание Ежика. Ей иногда казалось, что он не дышит или сопит как-то не так. Нет, почудилось...

Внезапно прошептал вибросигнал смс-сообщения от мужа: «Спасибо, моя родная! Вот и я самый счастливый человек на свете! И это все из-за тебя. Вышел на улицу и кричу: Я люблю тебя! P.S. Муся родила... Ах, вы мои хорошие!»

– Вот пьяница! – применив дедукцию, женщина поняла ситуацию с мужем по-своему. Все двусмысленное и неприятное внезапно осталось где-то далеко позади. И теперь Карина даже уже не просто спала, а бесконечно долго погружалась и погружалась в необъяснимую и благодатную нирвану...

Глава 2. Консенсус

Слишком медленно минула еще одна неделя. Бессонница еще недавно казалась хронической и бестолковой – ребенок очень плохо спал и никак не прибавлял вес. Более того, терял его. И если неделю назад Карина была непреклонна – «только естественное вскармливание» – то теперь осторожные слова их семейного доктора воспринимались ею уже как что-то вполне допустимое:

«Наука еще не доказала абсолютную нежелательность детских смесей. Особенно в вашем случае, когда малышу явно не хватает грудного молока». И маленькая бутылочка сделала невозможное: малыш впервые мирно провел почти целую и, очевидно, сытую ночь.

Но, несмотря на этот несомненный успех, усталость накапливалась по спирали, виток за витком. Росло и раздражение: кем, чем – всем. Не было сил даже на ссоры, так что мириться не было и нужды.

Сначала мама приехала на неделю, потом осталась еще на три дня. Стало полегче, появились частые и осмысленные улыбки ребенка и взрослых. Временами с юмором все вместе вспоминали тот самый первый разговор, где мама сообщала Алексею про рождение сына:

– Леша, поздравляю! У вас с Кариночкой сынок!

– Уже-е родила?! Ура!!! И вас тоже поздравляю, Бабушка! С внуком! Спасибо вам Ангелина Степановна за чудесную новость! А как Карина, что она сама не позвонила?

– Все хорошо у нее. Отдыхает, спит! И сын рядом – она боится его разбудить. Завтра с ней поговоришь. Богатырь родился. Шутка ли, три девятьсот? Весь в тебя...

– Спасибо. Господи, как же здорово!

– Да... Сыночек необыкновенный. Такой ладный... Ручки хорошие... Ножки, одна к одной... Волосики Кариночкины... И глаза карие, как у тебя... Ручки замечательные...

Семья смеялась, каждый раз вспоминая, как мама в тот самый вечер так неуклюже и излишне постепенно подводила зятя к монголоидному разрезу глаз сына, по пути перечисляя подряд и по несколько раз почти все органы человека.

Леша во время подобных обсуждений каждый раз рыдал от смеха в голос: «А я, главное, не понимаю, что так разговор с описанием частей тела затянулся. Может, какой-то особый обряд при рождении? А Ангелина Степановна все продолжает и продолжает».

Теща же со своим неоднократным высшим образованием в тот раз чуть не ругнулась ненормативно, когда Алексей внезапно ей объяснил, что у него в крови есть гены бабушки-корейки. Родные его давно умерли, и на пожаре сгорели все фотографии, кроме одной, а сам муж Карины был абсолютно европейской внешности.

«Предупреждать надо. Заранее», – с вызовом в сердцах произнесла тогда теща, но радость от рождения внука взяла свое – распрощались в тот вечер совсем на позитиве.

И все же Карина постоянно переживала уже не за наследственность: «Я плохая мать, я не должна быть ею, я не могу даже накормить ребенка». Дополнительные ненужные страдания приносили мысли о не снижающемся весе, да и периодически хотелось спрятаться совсем и от всех – словом, налицо были уже не начальные признаки послеродовой депрессии.

Доктор посоветовал только одно: если есть возможность сменить обстановку – меняйте. Мысль о временном переезде к теще загород пришла ко всем одновременно. Даже Мусе.

Кошка Муся спасала хрупкий семейный мир, как могла. Сначала заботами, куда пристроить семерых котят – в этом году случился плодородный рекорд. Затем перешла к традиционным кошачьим приемам успокоения, мурчания и возлежания, а уж если они не помогали, то в городеих квартиру на втором этаже пару-тройку раз тайком пробирался ее суженый, боевой представитель местной фауны – уже известный нам кот Евстафий.

С криком «Антисанитария!» лохматое страшилище изгоняли с позором, пол замывали мыльной пеной, как святой водой, а постоянный стресс полностью вытеснялся этим неожиданным приключением.

Это на некоторое время спланивало-спасало семью, но сил кошачьих явно не доставало. Так что тема переезда была встречена громким одобрителем мяуканьем, поддержанным и более членораздельным гулом на общем семейном совете.

Теща и сама-то переехала туда несколько лет назад. Судьба Карининой мамы была связана с парнокопытными. Но не какие-то там коровы и быки стали для нее делом жизни. Она была специалистом по зубрам. Для тех, кто давным-давно не интересовался зоологией, нужно напомнить, что это одни из самых древних сверстников мамонтов. И крупнейшие из европейских животных. Вообще, бабушка Ангелина считала их еще и самыми благородными, умными и сильными, что вполне соответствовало действительности.

Карина сама выросла среди этих громадин. Они жили тогда в Токсово Ленинградской области, и примерно через год после рождения девочка сделала первые шаги по траве, на которой вот только что лениво возлежал огромный мохнатый зубробизон по кличке Крепыш.

В постоянном соседстве с крупным и абсолютно жиким рогатым скотом и при малейшем отсутствии страха Карина выросла в успешной бизнесвумен. Правда, характер ее бизнеса кардинально отличался от занятий ее детства – она открыла сеть авторских художественных школ. Что демонстрировало в ней цепкую предпринимательскую хватку в наше непростое и противоречивое время.

Конечно, Леша, более походивший делового и уверенного в себе и спокойного зубра (возможно этим он своей будущей жене так сразу и приглянулся), всячески ей помогал. К тому же именно быки и свели их в свое время на андалузской корриде.

Теперь же владелец куда более крупных коммерческих холдингов, Алексей и предложил Карининой маме после смерти ее горячо любимого мужа – Каринино отчима – переехать поближе к дочери, но ведь и не потерять связь со своим зуброувлечением. Так Ангелина Степановна стала владелицей затерянного в лесах, но комфортного коттеджа на границе с Приокским террасным заповедником, который славился и своей зубровой фермой.

Торжественное переселение Сережика «со товарищи» было намечено на ближайшее время. В бесконечных сборах было упаковано столько чемоданов, что чудилось, что выезжает целая тройня. Впрочем, приготовления казались не только бесконечными, но и бесполезными. Стали очевидными какие-то новые азбучные истины: сколько ребенка в путь не собирай, все равно в глазах у бабушки будет: «что вы набрали?» и «простудить его совсем решили?».

Справедливости ради, что прецеденты в семье Карины уже были: папа и мама в самые первые дни своего младенческого родительского опыта подержали ее на сквозняке и получили неожиданное и трудно неразделимое с ней двустороннее воспаление легких. О чем вспоминать совсем не любили.

Последствия хвори еще долго отзывались постоянными чихами и кашлями, которые были решительно отрезаны бабушкой в одиннадцать Карининых лет. Дед стал тайно скармливать внучке мороженое в брикетах и вафельных стаканчиках самыми морозными днями. До этого момента девочка искренне представляла пломбир каким-то расплавленным кремом комнатной температуры – именно до такой консистенции доводили лакомство ее предки, чтобы не допустить очередной инфлюэнции¹.

Словом, в воспоминаниях о прошлом и мыслях о будущем и стартовал этот длинный разношерстный автокараван, увозящий к границе цивилизации не только часть их скарба, но и привычный уклад. И, как оказалось, этим не ограничился.

¹ Устаревшее название гриппа.

Глава 3. Воля и неволя

Опять загромыхал замок. Значит уже час по полудни. Ну как еще определить время в этом вечном полумраке. Только по скрежету замочной скважины, извещавшему о том, что принесли новые «разносолы» и колокольному перезвону. Впрочем, старика это совсем мало волновало. Последнее время он так ослабел, что порой не мог самостоятельно взять в руки миску со своей «голландкой²».

Вот и сегодня черный инок, обычно приносящий похлебку, с сомнением посмотрел на затворника. Но не его дело было рассуждать о заключенном, который вот уже больше дюжины лет содержится здесь, в этой отдаленной камере-келье в специальной монастырской тюрьме по личному указанию самого отца-императора. Впрочем, казалось бы, столь важное знакомство для сидельца никаких преимуществ явно не добавляло.

А правда старика заключалась не только в долговременных муках одиночки, преклонном возрасте или никудышном здоровье. Старец Даданий с незапамятных времен научился почти не чувствовать свое тело. Лишь в самые страшные приступы боли мог иногда издать он чуть слышимый чужому уху малозначительный стон. Монах был давно где-то сам в себе или, скорее, совсем вне своего тела. Он с исстари овладел этим чудом. Собственно, за что и расплачивался так или иначе всю свою жизнь.

Он так хорошо помнил тот самый первый раз. Очень тихий, но столь узнаваемый им теперь внутренний голос лишь призвал его «Иди и сделай». И он пошел. Сдвинул и перевернул весь свой мир. И не только. Задел он так или иначе и судьбы множества других людей.

Много что успел и сделал, столько всего познал и понял, но так и не мог исправить своего первого шага. И как ушел он тогда, так и не слышал он больше про них. Ни о Глафире своей, ни о сыновьях. Не слышал, но все теперь знает. Померли они тогда от мора. Поздно он проникся. Не заранее. Ведь, кабы загодя, так, наверное, и помчался бы со всех ног, чтобы спасти-вызволить ее, Глашу, любу свою единственную из беды. Ну и сынков, конечно. Не знал.

Сказал ему голос тогда о его предназначении, изъявил свою волю и ведь после так и не умолк. Не только звуки, но и многочисленные видения одновременно стали посещать во снах и даже в изменчивой полуреальности тогда еще совсем младехонького землепашца. Попробуй не поверить, когда в тебе звучит библейское «Встань и иди!». Так он и стал иноком Даданием.

Время расставляло все по своим местам. Научился он распутывать оживающие внутри него картины, сноровил обратить их в слова и записывать, но не сумел скрыть он своего чудесного дара. Записки свои схоронил он тогда совсем плохо.

Находили их и свои, и чужие, воспрошали, что да как. И ведь находил он язык со всяким. Говорил хоть и трудно, но понимал его и монах, и воин, и мастеровой, и благородный. Помалу знал многие языки, и приходили эти знания к нему, как будто с небес спускались.

И было в его словах чему удивляться. Видел он грядущее. Сначала великое. Потом рядовое, про каждого мог сказать, но не всегда и не сразу. Находили периоды затмений, как будто занавес какой опускался, и копились его картины где-то, видимо, чуть в стороне. А может, отводила рука сверху его от каких-то бед и невзгод или, напротив, желала, чтобы все вовремя и без вмешательства извне случилось, и как на небесах написано, так и произошло. Вот и жизнь прошла этими полосами-всплесками-впадинами. А у кого по-другому?

Когда же это случилось? Старческая память порой с трудом возвращала его назад, а вот иное прозрение с абсолютной легкостью бросало его в будущие века. Но не желал он сегодня двигаться вперед. «Назад, назад, назад!» – пела его душа, но предатели-воспоминания ускользали вновь.

² Разновидность перловой каши.

Мелькали и пропадали образы. Память пыталась сама себя и не могла сразу сыскать нужное. Шла шагами, скакала как лягушка или даже, скорее, как какой-то кузнечик – вперед, назад, с былинки на ветку, с колоска на цветок. То присядет, то сорвется, то снова уцепится. Иногда не к месту и не вовремя.

Вот вдалеке, среди контуров из запасников того самого прежнего времени возник нынче черным силуэтом и игумен Насарий. Не договорили с ним они тогда на Валааме, не стал святой отец слушать эту заблудшую душу про голоса угодные и образы грядущего. Воздвигал-возрождавал он тогда обитель островную в преддверии посещения ее самим владыкой, но на подвиг в пустыне тогда еще юного клирика благословил. Вот с его крестного знамения и начал Даданий свое шествие во имя веры.

Исчез Насарий, другой приблизился. Кто – сразу не разобрать. Сколько же лет прошло тогда с момента, как ступил он на этот свой отшельнический путь? Какой же это был год, когда вышел он к рекам Солонице и Волге, где на их стыке и приняли его сызнова в обитель монастырскую? Странно спрашивать самого себя о таких знаменательных датах. А ведь изменил сей факт всю его тишайшую монашескую жизнь. А уж коли такие дислокации обозначились, значит, что перед ним сам добрейший и приветливый епископ Павел. Тот, что и сдал его тогда за «записки о грядущем» губернатору. Именно в тот момент мирской голова и произнес что-то совсем простое. Но вот что?

– Да, как же это он молвил-то? – старец никак не мог припомнить и нанизать нужные буквы в слова и вдруг процитировал совсем точно, но как-то почти не своим голосом: «Негоже было такие имена в чьих-либо видениях даже начинать представлять».

А если уж и случилось, то как можно посметь узреть их величеств возможную кончину в воображаемом – это ли не посягательство на жизнь венценосных особ в осязаемом?» И отправил монаха по этапу в Санкт-Петербург для разбирательств. Нужно признаться, был монах в городе Петровом тогда впервые. Столица времен блистательной Екатерины II, несмотря на неудобства тюремного транспорта для подобной экскурсии, Даданию пришлось вполне по душе.

Впрочем, излишне коротким было его здешнее пребывание. Как и само заключение. Впервые познакомившись с милостью государыни, легко отменившей прозорливому безумцу лютую казнь, отправился строптивый ясновидец по ее же воле на пожизненное пребывание в крепость Шлиссельбург. Играючи начиналась ссылка, как спор на «чет-нечет»: «Посмотрим, кто кого переживет». О чем арестанту и передали.

Прочитала, значит, веселая царица про участь собственную и такую скорую кончину. И ставку свою уже сделала. Но гандикап³ здесь был не у того, кто предполагал, а у тех, кто ведал. Впрочем, именно тогда случилась с Даданием очередная «темнота» – не было для него ни голосов, ни картин.

Не мог он опять знать, что впереди. Может, и хворь ждет, а может, и эшафот – вдруг всемилостивейшая опять записки перечитает и осерчать вздумает. Впрочем, мотнул головой, отогнал сейчас от себя эти страшные годы старец и вознамерился вернуться к тому, кого давным-давно звал.

– Глаша моя, Глаша, – отнюдь не сентиментально, а как-то абсолютно твердо повторил про себя монах. И, наконец, столь долго не находимый им образ потерянной навеки суженой возник в его мыслях, совсем как наяву. Только слепящее мозг старика внутреннее свечение вокруг головы и тонкого изящного стана женщины говорило об иллюзорности происходящего.

– Глашенька, любя моя, вот и свиделись опять. Спасибо, Господи, – в очередной раз повторил старик, правда уже совсем легко: – Спаси, Господи, твою и мою душу, скоро уж насмотримся воочию друг на друга...

³ Фора в состязаниях (синоним).

И как заклинание, как драгоценную мысль, звучащую однозначным философским итогом, произнес: – Так возсияти любы⁴...

⁴ Так взойдет любовь (перевод с церковнославянского).

Глава 4. Перед Большой грядой

Многие знавшие Проводника друзья ошибались, хоть на мгновение представив, что обычного человеческого имени он совсем не имел. Уж таковы судьбы больших и закрытых молодежных и не очень компаний – нет смысла и не принято, после того как тебе назвали что-то дежурное и понятное для всех прозвище, произносить:

«А, на самом деле, как?» Но некоторые, знавшие его родителей, слышали от них и всамделишное, настоящее имя. По паспорту звали его достаточно мужественно и благородно – Прохор Валерьевич Кольский. Почти как..., впрочем, не столь важно. Имя-фамилия и правда звучали. Почему же он их чурался?

Москва в тот год отвернулась от Прохора в части работы. Несколько лет подряд Проводник испытывал себя то на одном трудовом поприще, то на другом. Но его творческая натура всегда хотела большего и лучшего. Ведущий, журналист, автор сценариев, писатель, продюсер, главный редактор.

Кем он только не был за несколько лет. Одно было уже понятно: Прохор скорее по натуре «артист», чем «режиссер». Его экстравертный характер бил ключом, горел огнем или, напротив, застывал камнем, как жертва взгляда Медузы Горгоны, всякий раз, если содержание его работы повторялось чаще, чем раз в неделю. А где же иную найдешь? Ну не мог он и не хотел делать то, что вызывало циклическую скуку. И снова уходил.

Словом, хоть в тот год столица не спешила потворствовать его удаче в деньгах и карьере, но дала ему счастливый шанс в любви. Он увидел Ее. Ну как увидел, скорее толкнул в сутолоке утреннего часа пик в метро какую-то пигалицу. Случайно. Разворачивался к выходу и задел. Росту он был заметного, и локоть его пришелся ей как раз по затылку. Извинился, но смотрела она на него все еще зло, обиженно. Было заметно, что ей ощутимо больно.

И тут давно уже передвигающийся по московским пробкам на подземке Прохор внезапно заметил в зрачках девушки какой-то чуть приметный, но узнаваемый «огонек». Он всегда видел этот женский взгляд на минуту раньше, чем сама его владелица понимала, что, пожалуй, уже отделила этого мужчину от всех остальных.

Что и предполагало логическое продолжение. Однако в этот раз все было иначе. Ни слова не произнося, попутчица молча вышла из вагона. Его же остановка была много позже.

В этот день работа Проводника была так или иначе связана с тон-ателье⁵. Записав несколько новых джинглов⁶ к своему эфиру на радио, он повидал и редактора, с которой обсудил последние животрепещущие новости. Очень скоро Прохор опять спустился в метро, где, не очень торопясь, двинулся на новую встречу. К удивлению Прохора, по перрону зигзагообразными перебежками от колонны к колонне суетливо перемещался счастливый спаниель, азартно обнюхивающий каждый сантиметр пространства вокруг себя.

Столь странное место выгуливания пса было бы трудно объяснить, если бы собака не увлекала за собой и хозяйку – чуть полноватую блондинку в строгом, небесного цвета жилете с казенной надписью «кинолог» на спине. Что же, приметы времени.

Сделав пересадку между линиями, Проводник вместе с составом постепенно перемещался в уже совсем «дальние дали». И вдруг даже спиной Прохор почувствовал оценивающий его буравящий взгляд. Какой-то знакомый и в чем-то уже даже родной. Обернулся. Ну конечно же, – перед ним была его прежняя «пострадавшая».

⁵ Специальное помещение для озвучивания аудио-, видео- и кинопродукции.

⁶ Музыкальная заставка для радиоэфира.

Что ее-то несло в этот край мира? И, вообще, случайны ли такие встречи? Да и что такое случай? Впрочем, ответ понятен: именно благодаря случайным мутациям самая умная обезьяна превратилась в обычного человека.

А в продолжение этого почина и, опять же, благодаря случайным событиям и таким же бессистемным встречам, уже последующие человеческие мужские и женские особи активно развивают достигнутое их давнишними мохнатыми предками, самоотверженно поддерживая устойчивость популяции.

Словом, дальнейшие встречные шаги Прохора и Ксении были естественны, а неустрашимые решения получше исследовать друг друга во всем – своевременны. Радостно узнавать, насколько твой избранник похож на тебя. Сложнее, когда твой двойник со временем постепенно растрчивает свою подобность в быту и заботах. Но у наших героев совместный путь только начинался.

Постепенно окрепла в своих правах весна, торопилось начаться и лето. Шел апрель, а московский воздух порой уже прогревался до двадцати трех. И только чуть более прохладные ночи говорили, что еще рановато для бикини. Впрочем, все зависит от широты взглядов, но точнее, от широты и долготы.

Идея сменить климат нашим героям нравилась все более. Тем более, что профессиональный хореограф Ксения получила приглашение в Летний театр Геленджика, где должна была поставить несколько прогрессивных шоу. «Грех невелик», – решил и Прохор, оформивший полугодовой творческий отпуск.

За бюджетные места в «курортной столице» стояла почти что драка, цены зашкаливали. Решили поискать летний ковчег чуть подальше. А в итоге переместились, если посмотреть на глобус младшего Ксениного братишки, почти на сантиметр.

Остановились на маленьком поселке Низинный в семидесяти километрах от Геленджика. Такая отдаленность при наличии автомобиля, на котором наши герои и достигли этого «парадайза», не играла уже никакой принципиальной роли.

Совсем скоро наши «взаимно познающие» окончательно осознали, насколько их выбор места был удачен. Сплошные преимущества: народ душевный, фрукты дешевые, да и еще сам Низинный находился на границе с государевым заказником «Большая гряда».

Не то чтобы в сложившихся обстоятельствах были важны его ландшафтно-флористические красоты. Однако внезапная весть о том, что именно здесь российскими и западными кинематографистами будет сниматься совместная экранизация широкоизвестного военно-лирического романа, быстро облетела каждый дом. Местный поселковый бомонд мало интересовался культурологической стороной этого события, но даже самые далекие от бизнеса понимали, что вдвое увеличивается возможность сбыта военных кокард⁷, меховых шапок, поделок из рапанов и мидий, а также пирожков с курагой.

Вот и Проводник с его стремлением к перевоплощению мгновенно произнес: «Фортуна, ты с нами!» На съемки требовалась массовка как для армии победителей, так и побежденных. А уж известие о необходимости организации массового парашютного прыжка задействовало еще одну сторону профессиональной Прохоровской жизни – здесь он был мастером во всех отношениях и с большой буквы. Не случайно, очень скоро именно он стал отвечать в группе каскадеров за все, связанное с парашютами.

Как же славно все устроилось. Рано утром Ксения «подбрасывала» любимого мужчину на его «рабочее место», разбросанное согласно сценарию среди многих и многих зеленых гектаров этого заповедного края. А затем уж мчалась и вдоль живописной морской кромки доноситься до курортной публики хоть что-то напрямую не связанное с маслом для загара или тарой для «угара». Словом, идиллия.

⁷ Особый металлический знак на форменном головном уборе.

Так и прошла бы эта поездка близко к пасторали, в исключительном творчестве, если бы всего лишь один день не повернул спять все, ставшее уже привычным.

Глава 5. Немаленькие трагедии

– Госпожа Алис, ЧП! Кто-то из каскадеров разбился. Но это еще не точно. Кто и как – выясняем, – помощница шефины Майя была крайне взволнована.

– Этого еще не хватало! Срочно уточните, какая нужна помощь. И все подробности. Десять минут вам даю, – столько лет большие дела и проблемы не позволяли Лисе надолго расслабиться, что и интонации в ее голосе были соответствующие. Давно уже не стало прежней маленькой танцовщицы гоу-гоу, теперь их совместная с мужем швейцарская компания делала большие дела. Ее благоверный почти не вмешивался в определенные темы, особенно касающиеся обустройства дома, выращивания растений, воспитания детей, искусства и творчества. Кинопроизводство, без сомнения, относилось именно к таким.

Сверхсрочный уточняющий доклад Майи по существу происшествия был следующий:

– Во время съемки массового парашютного прыжка из поднебесья у одного из спортсменов-любителей корректно не раскрылся непривычный для него «исторический» купол. Недостаточно опытный участник довел ситуацию до того, что из-за перехлеста или чего-то подобного не успел грамотно избавиться от основного и открыть запасной парашют вовремя.

При этом хрупкая, гимнастического вида Майя и парашют-то представляла чем-то вроде большого тента или зонтика в летнем кафе. Однако как настоящий профессионал девушка произносила неизвестные ей названия и аббревиатуры таким уверенным голосом, что у ее начальницы тут же пришли мысли о секретной службе верной помощницы в воздушно-десантных войсках. Умница Майя авторитетно заканчивала свой рапорт:

– Словом, помогло только вмешательство их главного инструктора, местного специалиста, который тоже был в воздухе. И, несмотря на критически низкую высоту, с риском уже для жизни-таки успел подхватить неудачника. Приземлялись они уже вместе. Все живы и здоровы. Слава богу.

Алисе, хотя с возрастом она и выглядела в общении все более сухо и решительно, подобные случаи не казались чем-то рядовым. Впрочем, какие годы? Сорок семь, а выглядит на тридцать три-тридцать пять. Такие уж генетические особенности у всей ее семьи, принятые еще от мамы. Ну и прекрасная швейцарская косметика, спорт, но сейчас не об этом.

Словом, на деле абсолютная фаталистка, шефиня понимала, что все предопределено где-то, но не в этом мире, и играть с этим не стоит. И она каждый раз хотела более внимательно рассмотреть людей, которые так или иначе уже были там, на краю бездны, и видели больше, чем остальные: – Едем на место!

Дорога мелькала, как длинный зеленый штрих-код. Густые можжевельные заросли внезапно сменялись изящными каменистыми пустошами, но очень скоро природа снова демонстрировала нетерпимость к пустому пространству.

Внезапно на контрапункте с чистейшим заповедным воздухом возник труднопереносимый и крайне резкий запах дымной «кинопреисподней» – пиротехники готовились к новым эпохальным военным кадрам и неумолимо жгли что-то селитрово-серное.

Автомобиль шефины еще раз вильнул на повороте и выехал на широкую и крайне живописную поляну, покрытую высокой травой и каким-то карликовым редколесьем. В стороне расположились несколько больших машин и вагончиков. Рядом, неожиданно настойчиво перебивая тяжелый смрад от спецэффектов, выдавала божественный аромат наваристого мясного бульона и гречневой каши настоящая военно-полевая кухня. Был как раз обеденный перерыв. Великие творцы и прибившаяся к ним массовка восполняли потраченные эмоции с помощью многочисленных ложек и вилок.

Человек, шагнувший через себя на спасение к другому, не показался ей тогда богатырем, но невидимая внутренняя сила, легкая щетина и какой-то особо выдающийся мужской кадык

никак не отпускали Алису к другим занятиям. Звали героя Прохор. Подав ему руку и не выдавая своих мыслей, Лиса дежурно поблагодарила Проводника.

В воздухе как-то уже совсем запахло мужчиной. В этот момент Алис, наверное, слишком бесцветно и с чуть заметным акцентом произнесла: «Ну мы еще это отметим!» и, резко отвернувшись, проследовала к режиссерскому вагончику. Здесь ее уже ждали многочисленные производственные вопросы.

Прохор же, лишь немного пьяный от спирта, который ему тут же традиционно налили в профилактических целях, и абсолютно хмельной от адреналина в результате самого воздушного происшествия, с трудом чуть не пропустил ту самую женскую «лампадку» в глазах шефины.

Не без усилий, но все-таки рассмотрел. Что это значило? Был ли это просто скучный интерес богатой и холеной красавицы или что-то совсем иное? Однако сейчас Прохору точно было не до этого.

А ведь Алиса и не думала скучать. Ее жизнь с мужем Матиасом и тремя детьми давно превратилась в счастливый лабиринт с четкими инструкциями. Их старший уже учился в Лозаннском университете на факультете Искусств. Среднему и младшему было одиннадцать и восемь. Муж вошел в пору мудрости, философского созерцания природы и, значит, старался не перечить жене. Комфорт был превыше всего, в том числе и душевный. Жена воспринимала все происходящее как счастье и старалась развлекать себя работой. Но смысловое содержимое, только что внезапно посетившее ее столь красивую и умную голову, выходило за рамки доступной степени приличия.

Матиас, кстати, был совсем неподалеку. Специализированный сочинский международный форум регулярно давал им повод практически каждый год посещать родные пенаты. Вообще, юридическая контора ее мужа Мати была здесь довольно популярна. Их нанимали все подряд.

Хорошее знание законодательства различных стран, долгосрочный опыт работы на таких форумах и, главное, обширные связи в самых верхах снимали много вопросов и различной головной боли для больших и малых участников.

Именно Матиас придумал это ноу-хау, позволяющее заранее иметь самый полный пакет документов с нужными комментариями и «государевыми» одобрениями и быть готовым к заключению любых инвестиционных договоров.

Алисе не могли не нравиться успехи мужа. Работа, да и заботы о детях редко позволяли ей, вообще, с практической стороны задуматься о том, что же в ее жизни можно и нужно изменить.

– Изменять или не изменять – вот в чем вопрос? – почти повторив интригу Шекспира, слегка нараспев и с немного горькой улыбкой проговорила чуть слышно Алиса: – Вот ведь игривый родной язык! Сколько значений только для одного маленького глагола.

И как-то совсем неожиданно для себя и вполне незаметно для окружающих Алис вдруг стала напевать какой-то совсем позабытый, но крайне популярный послевоенный романс про сильное головокружение от нескольких нежных фраз. Вообще, не позволяя себе ничего лишнего на деле, образованная Лиса знала столько различных слов для образных коннотаций⁸, что с завидным постоянством ловила себя на довольно вызывающих помыслах.

Такие острые идеи рождались у нее именно после, казалось бы, обычных словесных конструкций и определений, которые она, как и любой человек, давала тому или иному событию, не просто волнующему ее лично, а именно вызывающему существенные внутренние вибрации. Ведь особенно там, с собой и с собственными казусами, мы и есть настоящие.

⁸ Сопутствующее значение слова для выражения эмоций и оценок.

И только потом уж мы делаем или не делаем все возможное, чтобы остаться еще и людьми для себя и окружающих. Что, впрочем, не всегда одно и то же. А сегодня опытная и хорошо знающая собственное «я» Алиса в попытке избежать почти неминуемого понимала умом совершенно четко: ей лучше отсюда очень срочно уехать...

Глава 6. Жизнь предстоящая

Опять блуждали мысли. Почти тринадцать лет прошло в очередных его заточениях. Старик помнил это и каждый раз даже как-то слишком волновался. Тринадцать смиренных лет его зрелости! Только раз благословил он тогда новоиспеченного императора, возжелавшего посмотреть на человека, чересчур верно указавшего дату смерти его великой матушки всероссийской, и был обласкан и возвеличен. И вот снова попал в каземат, уже через несколько месяцев так неблагодарно записав точную дату кончины и самого Павлуши.

А чуть позже, да и причину, вызвавшую этот неожиданный для всех апоплексический шок. Ну а затем уж не угодил и очередному – юному Лександру.

Вообще, с началом девятнадцатого века, пришедшего на смену предыдущему, царствующий дом претерпевал столь быструю чехарду смен наследников, а события разворачивались таким ярким павлиньим веером, что внутренние «нюсмейкеры» прозорливого инока порой с трудом работали на своевременное их опережение.

Впрочем, удостоверившись в неизбежном недовольстве сильных мира сего своей собственной планидой и смирившись с тем, что лишние знания умножают скорбь, в этот раз Даданий был намного сдержаннее. В судьбы «посажеников божьих» на тронах не лез, а из явственного записал только о сожжении вражьей «хранцузской» стаей первопрестольного кремля.

В связи с чем от царских щедрот избежал уже традиционного Алексеевского равелина Петропавловки – государь лишь милостиво остановил свое монаршее внимание на ссылке завирального провидица подальше, в Святые Соловки. Правда в тюремную их часть, к колодникам и прежним староверам.

А ведь абсолютно прав был император Александр в собственных высоких решениях. Влияние исцеляющего Соловецкого воздуха отрезвляло любого. Обширные видения грядущего и прочие никчемные знания, не вмещающиеся в сознании одного смертного человечка, как колосья серпом отрезало. Надолго ушли они тогда из горемычной головы. Почти на год хватило этого долгожданного на тот момент отдохновения.

С пользой провел Даданий те месяцы – в посте и молитве. Подарила ему жизнь спокойствие и благолепие. Да и простой сон обычного смертного. С самыми рядовыми героями и сюжетами. Вот тогда и понял инок, как пользительно думать о чем-то простодушном, не слушать голосов ангельских, не знать про всех все. Неприятительно просыпаться, аппетитно вкушать немудреную трапезу свою. Думал, что отмолил себя. Что отпустило. Только ненадолго было это безмолвие.

Снова очень скоро узрел он свежие образы, поспешили к нему голоса. Впрочем, много реже и тише. Но монах уже по себе понимал, что, коли не запишет он эти знания, не начертает все пером по бумаге, так будут приходиться они к нему вновь и снова, будто унылые вечерние сумерки за радостным рождественским богослужением. Или напротив, как яркие карнавальные шутихи, цветные и громкие.

Сколько раз пытался устроить себе этакую прокрастинацию⁹ – все неудачно. Напоминание и осознание вовремя несделанного приходило почти немедленно. А инок уже приноравлился: порой только выводил на бумаге облаченные в слова фантазмагории и решительно сжигал хрупкий лист на маленьком свечном огарке.

Словом, и себя так, и внутренних своих гостей-новостей путал-отвлекал во времена их особенно активных периодов. Чтобы в своем рассудке остаться и чужого не затронуть.

Но порою были особые ангельские напутствия, которые он принимал совсем близко и сердечно. Так почувствовал монах предстоящую смерть брата своего по вере православной

⁹ Психологическая склонность откладывать дела на потом.

– достопочтимого Никодима Греческого, в далекой-далекой Элладе среди стойкого горячего гранита в местах заветного святого Афона проживающего.

Образ его, трудами Семена Богослова увлеченного, аккурат на Пасху 1805 года подospel и цифрой четыре обагрился. Хорошо помнил этот день провидец, восьмое апреля было – точно в канун дня рождения собственного. Воспринял это монах как личное горе. Понимал Даданий, что через четыре года Никодима свежепреставленного на погост братья понесут, и столь нечастые слезы обреченной муки и счастья на очах его монашеских набухли, что не приведи Господь. А, впрочем, прими же и нас всех также светло за веру твою, Господи Христе.

А моментами все было и совсем утопично и непонятно. Потрескивала, коптила самодельная монастырская свеча, поскрипывало гусяное перо по бумаге. Рождались мысли в такие моменты, и двигались они не тучами ненастными, а как большие яркие звезды. Славно было Даданию такими временами.

Не мучали, не наползали друг на друга страницы летописей жизненных, а только как песок намывались медленно и менялись плавно. Можно было увидеть кого-то по душе, вспомнить кого-то поближе. Или даже милее сердцу. Впрочем, в этот момент приходили и загадочные шарады. Они отнюдь не давали точных ответов, а рождали еще больше вопросов. Ну как и что тут запишешь, что угадаешь?

Что ж вот он увидел тогда? Отмахнуться или сильнее взглядеться? Пышные вьющиеся волосы жгучей брюнетки лет тридцати с небольшим лежали теплым контрастом на голубовато-серой облегающей ткани странного покроя, напоминающий мундир рядовых караульной службы. По рукавам на плечах и спереди на кителе были вышиты некоторые немногочисленные картины и орнаменты. Воительница. Даданий вглядывался в эти узоры и никак не могу угадать, что там за диво. Рыба – не рыба, не разберешь. А сама амазонка не спешила что-либо произносить, лишь только красиво и довольно скромно улыбалась своим ярким полнозубым ртом.

Видел он ее нечасто – раз в неделю. Кто она – неведомо. Вроде как и дома у нее побывал, долго снаружи внутрь заглядывал, даже озяб как будто. Дом был чудной, но заведомо чистый. Видать, хозяйюшка была хороша. Или слуги расстарались. Знать, богатый род у нее, зажиточный. Смотрел он уже на нее временами как на старую знакомую, а для утреннего настроения здоровался даже, кланялся как соседке. Она, казалось ему, иллюзорно вторит.

Встречал он черноволосую девицу как-то раз и за разговором с ее женихом. Впервые тогда голос хозяйки и уловил: хороший, мелодичный, напевный. Этот звук его поразил, как же тембр был похож на ее, Глашин, – глубокий и одновременно нежный. Так он собеседницу свою эфемерную Глафирой порой и нарекал. Речи он подробно не разбирал, но интонации языка были как у некоторых заморских лоцманов-навигаторов, частенько на североморских берегах промышляющих.

Впрочем, очень скоро мелькающие образы свели и вовсе на нет попытку поймать смысл сказанного. Но и без того все было понятно: глаза беседующих мужчины и женщины струились теплом и взаимным притяжением. Вот уже собираясь благодатно перекреститься и спокойно уснуть, монах неожиданно вздрогнул.

И узрел это роковое страшилище, ввысь вздыбленное. Таков уж удел достигших познания: «Не будет у них будущего!» Сожрет его «Глашу» огненная гидра многоголовая, преогромная во все южное голубое небо, простым глазом не охватываемая, как и не было амазонки никогда.

А ведь все стояла перед глазами, счастливая. Вспоминая ее, желал монах благословить эту женщину на изменение судьбы. Так хотелось помочь и нарушить череду предначертанного. И при очередной своей «небесной» встрече стал Даданий настойчиво говорить воительнице не просто «Здравствуй!» с поклонами, а наперед про беду неминуемую знаки ей приметные оставлял и голосом повествовал.

Чтобы поняла и услышала. И даже кричал ей он громко-прегромко. Да так зычно, что соловецкие братья его по вере в келью-камеру его прибежали, насилу всем объяснил что-то разумное. Но вот отвлекся он на это пустое толкование, а девица опять растворилась.

Истово молился Даданий день и ночь за ее здоровье. И так неделю, вторую. Все чувствовал всем сердцем как нужно будет ей это испытание, сроднился, соединялся с ней душой. А как солнце в последние сутки второй седмицы подошло к следующему полудню, накатила на небо с моря сизая грозовая туча.

Казалось, совсем скоро стемнел сам воздух, замерла листва накануне ненастья и одновременно притихли на камнях крикливые чайки. И с первыми огромными, резко гремящими по жести каплями, неожиданно прервавшими эту ненасытную тишину, почти против воли своей и неожиданно даже для себя инок тихо пропел светлое и совсем обреченное:

«Со святыми упокой, Христе-е-е,
Души рабов Твои-и-их,
Там, где нет ни боли, ни скорби, ни стенания,
Но жизнь бесконе-е-ечная...»

Сказал и устало закрыл свои глаза кончиками пальцев, как будто ей, «черноволоске», пятаки на веки положил. Постиг в тот момент остро: не увидит ее более. И пронзило с грохотом небо искрами-зигзагами, как головами змеиными, словно напоминание про дело им тогда неисполненное, судьбу неисправленную. Впервые так явно монах понял-осознал, что не просто он грядущее созерцать и слышать может и должен, а и судьбами в далеком перспективном распоряжаться.

Упреждать, помогать, чем сумеет, не только великим, которые такой помощи от него и не ждут, а, напротив, всяко отвергают. А вот таким же, как она. Жизнелюбивым и живым во всех смыслах, по внутренним силам на Глафиру его похожим. И даже тем, кто сейчас и не живет, а только в этом предстоящем и появится.

Уверился монах по-своему: слышат они там его, далеко-далеко, через много лет, ой, слышат... «Тебе славу воссылаем, Отцу и Сыну, и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Так возсияти любы. Аминь».

Глава 7. На встречных направлениях

Житьё на два дома рождало не только массу вопросов бытового свойства. Вряд ли это было главным. Тем более если в таком режиме прошел почти целый год. Но человек – есть существо оптимистических привычек, а, значит, все неудобства воспринимает как явления временные, но комфорт, радость, счастье и, не дай бог, сильное эмоциональное влечение хотя бы поначалу признает за постоянную и неистребимую константу.

Однако, недаром и фраза «Не суди по себе о людях», в психологии бесцеремонно называемая немудреным словом «проекция», запросто и справедливо допускает, что воспринимаемое нами вокруг есть нечто совсем необъективное и малореальное.

Вот и ежедневный выматывающий протяженный путь на границу Московской области с ранним утренним возвратом обратно в столицу доводил недосыпающего и слишком много сил тратящего на дорогу Алексея до ощутимого психофизического иступления.

При этом он даже не сидел за рулем – слава богу, персональный водитель справлялся с такой маятникообразной траекторией гораздо лучше. Однако как следствие регулярной усталости, и уютный тещин дом на границе густого заповедного леса все меньше и меньше приходился по сердцу, а идея периодически оставаться на квартире в Москве при особенно долгих рабочих заседаниях посещала его сама собой.

А вот это уже не могло вызвать восторгов у Карины. Выдыхающаяся с первым ребенком молодая мама даже при регулярной помощи бабушки находила эти отлучки, если не чересчур подозрительными – для ревности уже не хватало сил, то не совсем правильными.

Впрочем, какое здесь правило более правильно – трудно сказать. Словом, одно необъективное восприятие, умноженное на второе пристрастное, рождали уже совсем фантазийно-тенденциозную и даже иллюзорную картину.

Как говорят в такое сложное время начинающие дедушки и бабушки или чуть менее компетентные в части реальной практики профессиональные психологи с дипломами: «Вам бы поехать, да отдохнуть». Однако каким образом в действительности можно сделать что-то подобное? Как правило, от самих советчиков подробных инструкций не поступает.

Но откровенно говоря, Карина была все-таки крайне благодарна своей судьбе. Втайне она понимала, насколько сейчас и сама – «не подарок», и внутри много раз говорила «спасибо» богу и за мужа, и за его долготерпение. Но гормональный фон или какие-то другие психологические нюансы так и не позволил ей признаться суженому в своих светлых душевных порывах вслух.

«Чуть позже», «вот будет момент», «как поедem в отпуск» – словом, кто из нас не отмахивался и не откладывал на потом то, что наши жизненные спутники ждут от нас в качестве не самой большой нашей жертвы.

А ведь нужна-то им лишь порой простая благодарность и при этом вовремя. Даже кошка Муся чувствовала душевные метания хозяйки, но, вспоминая яркие особенности собственного последнего окота, явно сопереживала, и осуждать ее во всей этой эмоциональной заторможенности не смела.

А ведь в чем-то окружающие на этот раз были абсолютно правы – лето уже на дворе, а у Ежика скоро и первая большущая годовщина. Словом, идея с долгожданным отпуском витала где-то в воздухе.

Да и негласное правило многих родителей, которое требует не перемещать неокрепший маленький иммунитет в новую курортную среду, можно было уже справедливо нарушать.

Иначе говоря, билеты, чемоданы и надувные пляжные игрушки, а также раскладной детский горшок и чехол для прогулочной коляски были куплены спонтанно, решительно и практически одномоментно.

С этого времени Карина и Алексей старались быть максимально терпеливыми друг к другу. Леша понимал: их общей двухнедельной выдержки должно как раз хватить до отъезда к теплу, миру и релаксу. И дабы не искушать судьбу, направился в командировку.

Карина с той же целью окончательно погрузилась в нескончаемые сборы. И когда ей уже начало казаться, что нет не только сил, но и логического окончания для закупок всех необходимых вещей и аксессуаров – последний чемодан возьми да заполнись.

А вот куча «бездомных» курортных шмоток рядом с ним была все еще ощутима. Это подтверждал и Сережа, который без устали кувырчался на ней или переносил ее с места на место. При этом он одновременно примерял все свои и чужие наряды, последовательно водружая что ни попадя себе на голову в виде огромной диковинной чалмы.

Объективное ограничение количества в штуках, сантиметрах и килограммах действовало слегка отрезвляюще. Постепенно можно было думать о том, чтобы брать с собой не только то, что может пригодиться, но и идти по пути набора из самого необходимого.

Карина поймала себя на философской мысли, что впервые в мире слово «компромисс» имело наконец некое «скульптурное», хотя и несколько хаотическое воплощение в виде как раз той самой груды лишних вещей без малейшего шанса утащить их все до одной к морю.

Каждый из нас хоть раз пережил это чувство «застегнутого чемодана» – этакого радостного предвестника «чемоданного» настроения, когда почти уже нету пути вспять. Только на отдых.

Словом, момент, когда сделано все, чтобы в отпуск уехать, но не сделано еще ничего, чтобы этот отпуск испортить. Этакая эйфория накануне приключений для тех, кто собирается заранее. И хотя еще до пляжа оставалась неделя, сама Каринка признавалась себе, что в мыслях была уже совсем далеко. И даже бабушкин пресноводный аквариум с обыкновенными меченосцами и барбусами ей уже казался вполне себе морским.

Вечером должен приехать муж. В эти последние часы накануне его прилета Карина решила все-таки с утра пораньше добраться до Первопрестольной: последние покупки по мелочам, да и квартиру пора проведать.

В ожидании долгожданного теплого морского бриза настроение без обиняков несло вперед вместе с автомобилем к хорошему, светлому, лучшему. Утренняя дорога к Москве, как обычно, грозила тягучими пробками, но даже они не казались чем-то непреодолимым. Раннее яркое солнце, зеленое буйство по обеим сторонам шоссе, ритмичные звуки «Вкусного радио» вступали в унисон с ликующими ритмами умиротворенного сердца.

Вот и столица. Спустя какие-то сорок минут центр был уже совсем рядом. Продвигаясь по широченным вылетным магистралям и попадая на узкие улочки внутри Садового кольца, порой забываешь, что разрешенная скорость несколько ниже, чем на трассах.

Вот и в этот раз Карина с досадой отметила несколько камер, фиксирующих скорость ее автомобиля, которые она опрометчиво пролетела с явной претензией на штрафные письма от автоинспекции. «Вот шляпа! Да и бог бы с ними...» – ничто уже не могло помешать зажатой тисками забот, но молодой телом и душой женщине наконец-то наслаждаться славной погодой и такой временно свободной жизнью. Карина вырвалась, она раскована...

Но ненадолго: ремонтные работы на улицах снова вязали по рукам и ногам. Карина пыталась вспомнить, как выглядит Москва без строительных лесов и дорожных ограждений – напрасно. Бесконечные оранжевые и желтые жилетки дорожных рабочих мелькали почти повсюду.

Стоял жаркий июльский полдень. Отметившись в куче магазинов и, наконец-то, побывав в квартире – sweet home¹⁰, освобожденная от забот женщина даже успела пересечься за обедом с парой закадычных подруг. Время без традиционных ребячьих хлопот тянулось медленно и

¹⁰ Милый дом (перевод с английского).

уже непривычно, но разговор про моду, погоду и «отлученную от их двора» старую знакомую захватывали.

Их бывшая подруга Моника была этакой тихоней «с тараканами». Поначалу после их знакомства она вошла в резонанс общих интересов, но вот чуть позже стала проявлять довольно склочный и сумеречный характер. А иногда выдавала подругам суждения, попахивающие уже кромешными странностями. За гранью, знаете ли, понимания.

Впрочем, Алексей, косвенно наблюдавший за этими перипетиями человеческой дружбы, шутливо, но справедливо произнес: «Девчонки, психологи утверждают, что не так много людей в мире готовы искренне поинтересоваться «как у вас дела?». Но был тут же справедливо вычеркнут из «рассылки» их женских новостей. Каринка потом даже поделом высказала мужу: «Ну что ты меня подставляешь-то. Я же тебе все по секрету...»

И сейчас, аккуратно распрощавшись с подругами, Карина тронула автомобиль с места и вспомнила эту фразу, высказанную тогда мужу. Как же он ее в тот момент охарактеризовал? «Интонация маленькой обиженной фрау». Каринка улыбнулась и даже фыркнула сейчас от сарказма в отношении самой себя. И правда, мужа-то затюкала совсем своими капризами. От самокритики стало даже как-то немного теплее на душе и, как ни странно, внезапно повысилось самоуважение.

Карина нажала на педаль газа сильнее, и ее джип скандинавской сборки разогнался уже довольно значительно. И как же ей все-таки удалось за полосой встречного движения мельком увидеть или скорее угадать знакомое лицо?

У края бордюра рядом с большим серым внедорожником абсолютно не по-дружески обнимались высокорослая и довольно симпатичная блондинка и ее муж Алексей.

Глава 8. "Боящийся несовершенен..."

Как же мы принимаем решения в критические моменты? Как мы оказываемся с другой стороны улицы, когда находимся на этой? Быстро переходим, мгновенно перебегаем, бегло разворачиваемся. Что мы чувствуем в этот момент? Как правило, мы решаем текущую задачу – сблизиться во всех смыслах. А уж затем и дать волю внешним проявлениям наших самых главных в этот момент чувств и эмоций.

Вот и Каринка выкрутила бы руль сразу, если бы посредине трассы не нарушал ее планы твердый железный отбойник. Поэтому и задержалась – все искала проклятый разворот. А затем уже и пропавший серый автомобиль – в зеркало заднего обзора Карина видела, как парочка туда уселась.

Муж в странной футболке и каких-то джинсовых шортах – на пассажирское сиденье. «Вот гад! И какая же тварь!» – к кому из ненавистной компании относилось последнее замечание разбуженного изменой женского лиха – пойдй пойми. Впрочем, так ли это важно?

Вообще-то, искать машины серых или серебристых оттенков в Москве – все равно что искать каждый третий автомобиль. А ведь марку Карина не успела разглядеть. Внедорожник.

Но какое-то обиженное и «разбуженное» вместе с хозяйкой шестое чувство вело женщину по загадочному, но вполне уверенному, а значит, и правильному пути. Впрочем, как это часто и бывает. Да иначе и быть не может. Ошибки нет, и точка.

Именно так и думала Карина, совершая неожиданные повороты и развороты среди дворов и незнакомых второстепенных улочек. Чудом не задевая припаркованные автомобили и не вовремя вышедших на дорогу милых кошек, а также откормленных, не вписывающихся в собственные габариты голубей. И, наконец, догнала.

Серая машина стояла на парковке у забора какого-то учебного заведения рядом с одинокой двенадцатиэтажной башней. «Тварь» только что вышла из-за руля и манипулировала брелоком автосигнализации.

Имеющая фотографическую память Карина не могла ошибиться. Однако на пассажирском сиденье уже никого не было. И озадаченная женщина вроде как даже на секунду засомневалась. Но жестокие эмоции искали выход.

Сцена у школы не должна была послужить учащимся неприглядным примером беседы двух очаровательных женщин, но все-таки послужила. И если бы школьное здание находилось на большом корабле, то он бы немедленно накренился и перевернулся. Ведь практически все его несовершеннолетние «пассажиры», привлеченные столь необычным шумом, как один плюснув свои носы о стекла окон, прильнули к «иллюминаторам».

Впрочем, малопривлекательная склока была, к счастью, недолгой. Карина и сама бы сильно удивилась, если бы ей кто-то еще недавно рассказал, что она способна на такие фразы и интонации. Не просто отстаивала свое – выгрызала.

Понятно, что разговор так и закончился ничем. Все еще взбешенная, а ведь еще недавно очень счастливая женщина молча и отрешенно шла куда глаза глядят вдоль небольшой улицы. Этот проулок, по иронии судьбы, как раз носил слегка морское имя. То ли Прибрежная, то ли Приливная, то ли Прибойная...

В Карине яркими и сочными всплесками все продолжал бурлить жар проснувшегося вулкана. Его лава как будто стекала с несчастной и, обгоняя ее шаги, выжигала все по ходу движения. А позади на правах местного старожилы и экскурсовода семенила в поисках чего-нибудь вкусного или более интересного веселая бездомная собачонка.

Вытопанная народом тропинка сама привела эту разношерстную пару к излучине реки. В этом месте берег был не очень благоустроен. Заросли акаций и прочих высоких кустов неиз-

вестного гене́за¹¹ создавали довольно неожиданный хаотический образ дремучего заповедного края внутри большого города.

Идиллия нарушалась только массой мусора, а также лежащими там и тут в разных позах отдыхающими или значительно перебранными индивидуумами. Впрочем, благоустроенный городской пляж был неподалеку, так что здесь преимущественно попадались перебранные.

Вообще, несмотря на зной, загорающих было гораздо меньше обычного. Иногда бывают какие-то странные летние периоды, когда пиково возрастает количество улетевших к морям, и город так внезапно вымирает, что, кажется, произошёл зомби-апокалипсис.

Вот и сегодня солнце жарило как никогда, а количество полотенец и прочих подстилок на траве можно было пересчитать по пальцам двух рук. Впрочем, может быть, отдыхающие терялись в высоких зарослях?

Внезапно сопровождающая собачонка остановилось, как вкопанная. Она просто молча пялилась куда-то и не желала двигаться по тропинке дальше. «Видимо цель экскурсии уже достигнута», – горько и иронично подумала медленно приходящая в себя Карина.

Она могла уже как-то элементарно рассуждать, но вот столь необходимые для жизни душевные силы растеклись и никак не собирались, как однажды разбитый градусник. Карина наконец прочувствовала, что из-за переживаний ухудшилось даже зрение – окружающая действительность расплывалась и никак не желала фокусироваться. Как же она вообще сюда дошла?

Как сороконожке не следовало думать, с какой ноги шагать, так и мысль о внезапно свалившейся близорукости привела к тому, что женщина оступилась и чуть не упала. Сделав шаг в сторону, Карина все-таки потеряла равновесие и всем телом фактически провалилась в соседние с ней и довольно колючие кусты. Впрочем, ветки растения были не очень толстыми и гнулись как лианы. Вот так запросто пропустили ее вперед и вновь сомкнулись у нее за спиной.

На открывшемся крохотном пятачке внутри окружающей ее со всех сторон живой изгороди женщина вдруг испытала какой-то страх. Видела она все так же плохо, а, точнее сказать, на контрасте от яркого солнца к полумраку и того хуже. Очувшись из-за падения на коленях, Карина попыталась подняться, опираясь на окружающие предметы. И вдруг она явно почувствовала, что ее рука внезапно наткнулась на что-то живое...

В ужасе женщина отпрянула, а потерянное зрение вернулось к ней также врасплох, как и исчезло еще недавно из-за более раннего шока. Лучше бы она все так же не видела, но именно теперь глаза не подводили ее перед самым новым безумием.

Ближе чем в шаге с рваной раной на голове, залитый кровью и с неестественно повернутыми под себя руками лежал на спине ее собственный муж. Совсем неожиданно он приоткрыл глаза и простонал...

Снова смогла что-то воспринимать, когда была уже в «скорой». К этому сроку Алексей вновь потерял сознание. Контузия была крайне тяжелой, врачи ничего не гарантировали. Степень внутренних повреждений была понятна еще раньше. Карина ведь не успела ничего спросить – так быстро он опять отключился, видимо, так и не узнав даже жену.

Пока санитарная машина разрывала город квакающими звуками сирены, женщина старалась собрать по кусочкам события сегодняшнего дня. Но разве может простой человеческий мозг, даже женский с двумя работающими полушариями одновременно, вместить в себя все нынешние происшествия.

А последнее событие не просто не укладывалось в ее матрицу – сокрушало весь предыдущий жизненный опыт в пух и прах. Карину то колотило крупной дрожью до хорошо заметных критических вибраций, то кидало в безучастный ступор на грани полного оцепенения и апатии.

¹¹ Происхождение (перевод с греческого).

Однако, как это ни странно звучит, последней каплей самого нелепого, что она за сегодня обнаружила, и стала та самая сложенная вчетверо записка, которую она нашла в левой руке Алеши. В девяностые, когда христианские миссионеры разных направлений приезжали в Россию со всех концов света, она уже встречала вот такие тонкие листы в недорогих карманных изданиях Библии с клеенчатыми обложками.

Мелкий шрифт догматического текста покрывал ровными рядами обе стороны бумаги. На четной стороне этой страницы ядовито-желтым маркером были помечены моментально и странно врезавшиеся в Каринину память строки: «Страха нѣсть въ любви, но совершенна любы вонь изгоняеть страхъ, яко страхъ муку имать: бояйся же не совершися въ любви»¹².

¹² «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершенен в любви». Иоанн Богослов. Глава 4 (перевод с церковно-славянского).

Глава 9. "Вся твоя"

Оставалось очень терпеливо считать каждую минуту. Операция длилась уже более часа. В коридоре сидели такие же, как она – чающие чуда. Ждали счастливых исходов, ведь параллельно спасали пострадавших сразу в нескольких операционных.

В телевизоре на стене мелькали кадры новостей. Звука не было, но подписи и бегущие строки компенсировали этот аудиовакуум. Впрочем, желающих старательно внимать последним известиям не было. Здесь смотрели на экран как на нелепую, но порой необходимую возможность хоть на минуту отвлечься от собственных тяжелых мыслей.

Под воздействием седативных¹³ окончательно вымотанная событиями этого дня Карина все больше уходила в какой-то полуастрал. Размышления и воспоминания периодически прерывались абсолютно черными провалами. Формулировать то, что произошло, женщина старалась для себя осторожно – уж слишком все было непонятно и неожиданно. Даже как-то совсем резко.

Некоторые обрывки сегодняшней информации и фактов легко укладывались в стандартные житейские рассуждения, остальные же были совсем непостижимы и даже мучительны. Вот есть вопросы обычные, которые можно хоть как-то объяснить...

Почему он не в командировке? Почему был запах алкоголя, или это ей показалось? Что за простецкий пляжный вид, лишь с несколькими крупными купюрами в карманах, но совершенно без документов? И что это за особа? Вполне адекватные вопросы для неприятных, но рядовых событий в жизни, пожалуй, многих семей.

А были темы, которые не имели пока хоть какого-то малейшего объяснения: кому, черт побери, мог помешать ее любимый муж? Именно любимый – Карина все-таки резко поймала себя на этой мысли. Зачем его нужно было выслеживать и затем в него стрелять? А потом еще и вкладывать в его руку эту нелепую страницу с текстом из Библии? То, что все было именно запланировано заранее, логичная Карина даже не сомневалась. Особенно с того самого момента, когда оперативники нашли в кустах сам пистолет.

И все-таки в конце концов сон победил тревогу. Совсем издалека подступило ко лбу что-то душное, теплое, огромное, бесконечное. Затем все хаотическое и необъяснимое сменилось на уже имеющее точные очертания, но все еще не менее бессмысленное.

И, наконец, Карина моргнула и все-таки погрузилась в долгожданную гипнотическую дремоту, в которой порой перемешиваются мысли, путаются сон и явь. И совсем неожиданно увидела симпатичную пышноволосую женщину лет тридцати пяти в джинсах и просторной футболке. Та сидела на диване в обнимку с высоким темноволосым «очкариком», которого она называла Грегори.

– Вот вернись, и поговорим. Да я за, за, за! Правда! – совсем по-детски дурачилась женщина, взъерошив волосы на его голове.

– Слушай, Джу, ну ты можешь хоть сейчас не шутить! Мы так давно уже друг друга знаем, что я почти устал тебе делать обычные предложения. Ведь тебя все постоянно веселит. Вот я и предлагаю сегодня не просто руку и сердце, а сразу и ребенка, а лучше двух-трех! Одномоментно! – подыгрывал ее настроению улыбчивый собеседник.

– Герш, – ласково назвала брүнета женщина, накручивая на свой мизинец цепочку с золотым кулоном в виде ладони: – Но ведь осталось совсем недолго. Я прилечу и буду вся твоя...

Нужно сказать, что, и правда, холостяцкая жизнь Джудит слегка затянулась. Вот уже около десяти лет минуло с той поры, как она разошлась со своим первым мужем, мечтавшим

¹³ От латинского «sedatio» – успокоение.

тогда именно о тихом многодетном гнездышке. У нее же, напротив, только начиналась полноценная карьера.

А теперь подошел момент, когда нужно не только задумываться о детях, а намечать и делать правильные шаги в этом направлении. Настойчивые и без промедления. Впрочем, с ней же ее Грегори. А с ним ей ничего не страшно. И даже воспитание детей.

Грегори Коэн был восходящей звездой прогрессивного хирургического сообщества. Кардиолог от бога. Он был на четыре года младше Джудит Лезник, что поначалу несколько смущало «невесту». Но разве его бесконечная внутренняя сила, грандиозная скромность и сумасшедшее мужское обаяние не компенсировали это незначительное суеверие?

Условности теперь давно в прошлом. Тем более они прошли вместе уже столько, что их самым близким друзьям было отчего спросить про матримониальный статус: «Ребята, а вы чего тянете-то?»

В эту ночь Джу не спалось. Ну как ночь, по всем правилам жанра настоящих чувств перед долгой разлукой оторваться друг от друга они смогли только вместе с первым щебетом утренних птах.

Небо уже чуть серело, окутывая уютный дом довольно холодным предрассветным туманом с явными кристалликами инея на утомленной от зимы траве. А Джудит слушала дыхание своего мужчины и, несмотря на усталость, все никак не могла успокоиться и закрыть глаза.

В этот-то момент ей и почудился странный черный силуэт в длинном балахоне прямо за балконной дверью. Источая отнюдь не опасность, а какое-то умиротворение, человек в капюшоне хотя сильно и не испугал молодую женщину, но заставил ее очень плотно прижаться к чуть слышно похрапывающему любимому мужчине.

Это было лишь на мгновение, когда издали похожий на монаха-францисканца¹⁴ таинственный образ поводит жилистым пальцем по стеклу и мгновенно исчез. В этот момент стало окончательно понятно, что и она уже давно уснула.

Спустя две недели такое важное и слегка холодное утро выглядело на редкость позитивно. Вообще, мороз в этих краях – вещь дефицитная. Вот и сегодня около минус двух – «морозище». Из рта идет пар, но ведь все радуются.

Солнечно, торжественно и как-то деловито. На небе ни облачка, разве что на самом-самом горизонте. Правда, ветер иногда усиливался, но пока не достигал критических величин, создающих угрозу для полета. Норма.

Все произошло тогда почти сразу после фразы Френсиса: «Понял вас, увеличиваю тягу». Что думала в эти несколько коротких минут около полудня Джу, когда стало понятно, что уже не спастись? Они не погибли сразу и даже еще долго до конца не понимали всего драматизма ситуации.

Именно тогда взорвавшийся топливный бак отшвырнул герметичную кабину космического челнока «Челленджер¹⁵» куда подальше. Не умерли они от перегрузки и разгерметизации, когда, чуть приподнявшись над земной атмосферой, коснулись края чернильного неба космоса.

Наша планета, как могла, старалась всячески продлить их сложный жизненный путь, но неумолимо простые законы физики несли обломки корабля снова навстречу тверди. Покоряющий своим величием горизонт становился все шире, пока его не стало слишком много, чтобы охватить одним человеческим взглядом.

¹⁴ Международный католический монашеский орден, проповедующий аскетизм. Основан в Италии Святым Франциском в 1208 году.

¹⁵ Многоразовый космический корабль американского проекта «Спейс-Шаттл». Потерпел катастрофу 28 января 1986 года.

В этот момент вращающийся вместе с чудом сохранившейся частью челнока экипаж уже мог лицезреть перед собой странный инверсионный¹⁶ след их собственной катастрофы, напоминающий этакое многоголовое чудовище.

Мысли Джудит скакали вместе с пульсом. Впрочем, догадываясь о неизбежном, «невеста» четко зафиксировала для себя два основных воспоминания. В первом ее посетили картины прошлого с дежурным тренингом для членов семей. В тот раз она специально выбивала разрешение для ее такого «неофициального» Герша.

Парадокс, но суть инструктажа заключалась в том, что до автоматизма доводились действия близких на случай «непредвиденных обстоятельств». Именно так и были обозначены в цветном буклете действия на примере комиксов, поясняющих, что нужно делать будущим вдовам и вдовцам, если их родные не вернутся из космоса.

Какие их ждут ритуалы и речи – этакое моделирование на случай кончины. Как же слишком легко они тогда с Грегори получили зачет по этому предмету...

И вот что еще мучило ее теперь. Нет, не то что неотвратимо произойдет через несколько минут. И не то, о чем они так долго мечтали с ее самым любимым, и что никогда уже не случится – именно в этот момент выдержка Джудит начала ей все-таки изменять. Ведь спасения, конечно же, уже нет. Стоит ли думать о счастливом исходе, находясь в неуправляемом снаряде, летящем к поверхности океана с ускорением боевого истребителя.

Но все-таки было что-то крайне важное, что как раз и не опускало ее в бесповоротную панику. Ведь до сих пор она гнала от себя настойчивые мысли о том самом странном сне с черным монахом. Тогда, как раз накануне ее отъезда в двухнедельный «карантин» перед стартом.

Пыталась отмахнуться от этих воспоминаний, но события ночи зачем-то упрямо возвращались. Или Джудит сама хотела этого даже сейчас, в столь дефицитные секунды ее короткой жизни?

Дело в том, что, проснувшись тем утром, Джу слишком хорошо помнила эту фигуру. Как будто он был более чем реален. Бред, однозначно. Прогоняя от себя эти странные мысли, женщина даже подошла к балконной двери, чтобы еще раз внимательно осмотреться.

Конечно, яркое солнце давно растопило и испарило¹⁷ всякую ночную изморозь, покрывающую гранитную плитку на лоджии. Да и как, вообще, игра воображения может оставлять отпечатки ног? Однако в самой середине стекла на уровне лица женщина обратила внимание на какие-то чуть заметные пятна.

Как будто именно здесь кто-то трогал поверхность давно немывтыми пальцами, старательно выписывая незамысловатый узор. Впрочем, показалось, ерунда какая-то.

И вот именно в эти последние минуты полета Джу поразила объясняющая все события очень простая мысль: ведь те самые стекольные разводы практически точно совпадают с многохвостыми следами детонации¹⁸ их космического корабля на чистом Калифорнийском небе. Которые она воочию наблюдала перед собой прямо сейчас...

...От осязатого внутреннего удара Карина вздрогнула и проснулась. Странный и неприятный сон-катастрофа не отпускал женщину. Но она настойчиво гнала сознание от грез к реальности. А здесь, наяву, перед глазами зрительницы все так же мелькали кадры круглосуточного новостного канала. Электронные часы в нижнем правом уголке экрана успели прибавить только сорок минут.

Вдруг очередной сюжет заставил ее даже приподняться. Беззвучная телевизионная картинка возвратила Карину в еще недавние события – корреспондент как раз находился на месте покушения на ее мужа.

¹⁶ Видимый след от траектории самолетов и ракет в атмосфере, состоящий из частиц продуктов горения и водяного пара.

¹⁷ Переход вещества из твердого состояния в газообразное, минуя жидкое. Например, лед сразу превращается в пар.

¹⁸ От французского «detoner» – взрываться.

По ту сторону ТВ-камеры на берегу реки опустились ранние сумерки. Подписи под изображением не оставляли сомнений: «Совершено покушение на успешного бизнесмена».

Опять закружилась голова. В этот момент дверь операционного отделения приоткрылась и из нее медленно вышел усталый широкоплечий человек в медицинской форме бирюзового цвета. Тот самый, что оперировал Алексея.

Оттенок одежды показался женщине настолько глубоким и ярким, что она даже зажмурилась. Мужчина провел ищущим взглядом по коридору и направился напрямиком к Карине. Взял ее под руку и оглушающе тихо произнес: «Сделали все, что могли...»

Конец первой части.

Часть II. Шаг вперед

Глава 1. Между долгом и подолом

Отбивал он тогда поклоны и радовался. Красив был храм, величественен. И внутри, и снаружи. Благороден и статью поражал. Совсем еще свежий после постройки полукруглый бельведер¹⁹ с колоннадой на входе в храм, которая украшала исполненный величия курдонер²⁰, образующийся двумя плавно загнутыми крылами величественного здания.

Слева – богадельня, справа – больница. А по сути, дворец странноприимный. И всем счастливо. Словом, вертоград²¹ божий на Земле. Определили сюда монаха аккурат на время его отдохновения от дальних путей-дорог.

Чудо это было аккурат несколько лет назад возведено по поручению, благословиению и средствам Его Сиятельства обер-камергера, действительного тайного советника, сенатора, графа Николая Петровича Шереметева. Красиво-то как!

Впрочем, каждый шаг благословенного Дадания по гулким коридорам Странноприимного дома давался ему с трудом. И причины были. Это и долгая, почти крайняя усталость, накопленная им за несколько лет его пути к святым местам и обратно.

И особый настрой, резонанс душевных струн, связанный именно с этим местом Москвы. Вернее, с его создателями.

Ведь дом сей был от фундамента до макушки золоченого креста пропитан чувствами благородными, яркими, которые то и дело выплескивались на чуткую психею²² инока. Построенное в память жены графа и по светлым делам ее здание в каждой крупине содержало этакое мужнино признание любви и нежности к своей законной супруге.

И еще что-то, но уже мучительное, как-то напрямую к тому привязанное. И понял тогда Даданий, что вдругорядь²³ этот сложный вопрос повторился, олицетворил выбор между долгом и подолом.

Что вспомнилось тогда? А вот тот его разговор с Павлом, самодержцем российским, загодя до смерти его. Сказал ему тогда монах, почти ничего не скрыл. И сейчас вот вспомнил, как звучало: «Войдет в твой дом предательство. И будет оно построено на многом: ненависти, трусости, зависти и любви».

Все в тот момент было их величеству почти понятно, кроме последнего. Хотя именно от слов про любовь и очень они разволновались, желали подробностей. А вот как раз про это сердечное притяжение и умолчал вещей инок, сославшись на туманность видения. Но куда уж любви без предательства и, напротив, вероломного переметничества без большого амурного обожания?

А держал он рот на замке из-за сложности чувств к событиям, персонам и причинам их вызывающим. Оно и понятно: видел он тогда в наваждениях своих подложный документ по любви справленный. Сама по себе грамота, конечно, предательством не была и вероломного ничего не содержала. Делался этот лист исключительно для соединения двух сердец, давно друг для друга предназначенных и долго друг к другу идущих.

¹⁹ Здесь: надстройка над зданием.

²⁰ Парадный двор перед зданием, образуемый главным корпусом и боковыми флигелями.

²¹ Сад (перевод с церковнославянского).

²² Олицетворение души в древнегреческой мифологии.

²³ Снова (перевод со старославянского).

Суженая графа, бывшая крепостная Прасковья Ковалева по документу сему подложному из рода польских шляхтичей Ковалевских выходила, а значит, и к замужеству своему предстоящему неким основанием для оногo имела.

Иначе говоря, для дворянского звания предпосылки содержала и с будущем мужем своим, как с равным в брак вступать смогла бы в случае благословения государева. Да только муж ее, будучи для своенравного Павла I и ранее другом детства, и ныне обер-гофмаршалом, все-таки этого дозволения выпросить не смог. Несмотря на близость и живой интерес.

Друг Павлуша смотрел на эти просьбы как на крайнюю степень чудачества и пример непристойности для подражания молодежи. Тут-то и началось предательство и любовь. Что двигает любовь против долга? Или не сравнимые вещи это, в разных плоскостях существующие?

Поди узнай, коли такое случается. Даданий понимал, что сподвигло графа, который наблюдал, как медленно, но шаг за шагом стихает, замирает здоровьем под напором наследственной чахотки его бедная любимица. Ведь знал монах, каково это, когда от мора твое второе «я» уходит. Вот и здесь, на деле ведь жена, но волею законов державных все еще приживалка.

Дурной или хороший свод письменных и фактических уложений не позволял человеку, в десятку наиважных в государстве входящих, себе счастье и путь в блаженство обеспечить. Ну не увозом же жениться, ведь не из чужой деревни девку украсть. А потому обратил граф свой взор на того, кто его от недомолвок и двуличия положения избавить может – на наследника всероссийского Александра.

И ведь как вышло: сам-то Николай Петрович вроде в перевороте не участвовал, а ведь понимал многое и так в итоге другу своему по детским играм Павлу, чуть позже от рук заговорщиков погибшему, ничего про беду, им вполне ожидаемую, не шепнул.

А вот Прасковушке своей, думается, пару лет жизни этим прибавил, да и своего наследника рода Шереметевых увидал. Ведь рано ли, поздно ли, а получил он от императора нового Александра под номером первым весточку, где тот так и писал Его Сиятельству, мол, сенатор и граф Шереметев властен жениться, когда и на ком захочет...

Тяжело вспоминал Даданий сей факт, давно и раньше всех им познанный. Ведь каждый раз в стенах здания Странноприимного, где имя Прасковушки Жемчуговой-Шереметевой в каждом углу видится, понимал монах, что так граф не только возвеличивал свою так скоро ушедшую жену с ее душой светлой.

Но и отмаливал грехи свои, именем супруги наделанные. Гроб ведь стоял между мужем государственным и его любовью единоличной. А порой думал вещей инок, что если бы сказал он тогда царю про графа, то возможно, и путь империи был бы совсем иным.

Ведь, что лучше всего для державы, если не счастье ее подданных, в том числе и личные. Ведь на примере Павла, стоят они, получается, эвон, как дорого.

Эх, но не только ведь все «про потом» думать. Вспоминал здесь Даданий и свою дорогу жизненную. Странная паломническая судьба куда только не заносила его в далеких странах. Ехал, шел, плыл в Царьград, Иерусалим да на гору Афон. Да и Османские земли на далеком озере видел, куда людей русских старинный раскол церковный закинул. Многих таких староверов он помнил еще по тюрьме Соловецкой, где как раз подобные рядом с ним посиживали. Хорошие люди бывали и разные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.